

«ИЗ РУК В РУКИ», или КАК Я ПРИДУМАЛ НАЗВАНИЕ ГАЗЕТЕ

Году эдак в 1989-м, а может, и раньше, один вчерашний преподаватель социологии из Военно-политической академии в Москве шустро слинял из армии (в чине полковника), «прилип» к предпринимателю, а тот задружился с «макаронниками», которые ему пообещали немного денег на раскрутку в России своего проекта — газеты бесплатных объявлений. Такими изданиями был полон западный рынок (типа «Ди Цвайт Ханд» в германоязычных странах, «Сэконд хэнд» в англосаксонских или «Секондомано» в Италии). Бывший полковник набрал бригаду журналистов, чтобы двигать это дело. Команду, как сейчас говорят. Среди них угораздило оказаться и мне, работавшему тогда в многоязычном журнале «Советский Союз» — он издавался, напомним, на двадцати с лишним языках.

Мне, уроженцу села в трёхстах пятидесяти километрах от Красноярска, выпало самое «простое»: первое — название; второе — первая структуризация потока будущих объявлений, а проще — рубрикация разделов; и третьё... бизнес-план. Это тогда-то! Сейчас на любом книжно-брошюрном развале навалом книжек типа «Как составить бизнес-план», а тогда... Ну, читатели помнят...

Суворовская фраза о напоре и натиске в моей голове не помню уж крутилась ли, но я действовал в полном с ней соответствии — по всем пунктам.

О названии. Из моих двадцати семи названий (первый вариант) на общей сходке оставили семь (второй вариант), из которых я должен был остановиться на конечном (третий вариант и последний) и отстоять его на совещании.

На третьем заседании «команды» я предложил «ИЗ РУК В РУКИ» — как самое точное, как мне казалось, литературное переложение на русский английского «СЭКОНД ХЭНД» (попользовался товаром — хочешь его продать или уступить новому владельцу, то есть товар ИЗ одних РУК передаётся В другие РУКИ!), тем самым невольно сделав благодарный поклон первой своей учительнице английского языка в 55-й школе Красноярска и Инессе Соломоновне Стамм, преподавателю английского на первом курсе журфака МГУ.

Бывший полковник хотел поднять меня на смех и предложил (как знаток социологии) такое название для газеты: «Московский мониторинг вторичных товаров», добавив, что очень просто будет нарисовать две «М» первых слов, совместить их... Дальше этого «шедевра» его кучерявая социологическая голова не петрила.

Опытные журналоги смолчали при выступлении бывшего полковника (а теперь заказчика, то есть плательщика!) и, чего он никак не ожидал, неожиданно поддержали меня. Что я расценил как победу демократии в чистом её виде, а не торжество презренных денег.

Повисло краткое молчание, напряжение которого было очень высоким. Даже показалось, что в офисе запахло озоном...

Тут Икар Л. Марголин, тогда нештатный художник журнала «Советский Союз» после работы главным художником «Литературной газеты» (потом — где-то в Штатах, кажется, в Сан-Франциско, уехал вслед за детьми на родину своих предков), заговорил, как всегда, обиженным голосом, но тем не менее неожиданно взял мою сторону. Его позиция мне-то была ясна: ему проще вывести рукописным шрифтом «ИЗ РУК В РУКИ» (десять букв), чем «увековечивать» полковниково название, составлявшее... посчитайте буквы сами.

Бывший полковник, досадуя на неговорчивость наёмных творцов (набранных им самим!), вскричал на меня, взялся стыдить, что как, дескать, мог я, журналист, придумать название, «состоящее из одних предлогов». Но я не сдался! И получил поддержку всей «команды». Это был бэмц!

Потом были муки над первым номером, плата нам за участие (пожалуй, чуть побольше стоимости билета на трамвай), потом надо было решаться на сумасшедшую работу по становлению газеты («С утра до полуночи, я вас предупреждаю!» — угрожал бывший полковник), а у меня на тот момент дочери было два года (и без дедушек-бабушек — руки жены да мои!), сын-подросток (не упустить бы его взросление с этой гнилой перестройкой!) — и я отказался от дальнейшего участия в газете, у которой уже было своё (то есть моё!) имя: «ИЗ РУК В РУКИ».

...Осенью 2006 года где-то прочёл, что Леонид С. Макарон (бывший полковник) продал бизнес в издательстве этой газеты за сколько-то миллионов рублей. Родителей он давно переправил за океан, теперь сам намеревался поехать отдыхать — от трудов по становлению в России газеты бесплатных объявлений да обучению в каком-то самопальном вузе будущих рекламистов тому, как это — делать рекламу по-большому.

Мне рассказывали, как он это делает, и по давней памяти слышится его экс-социологический, со взвизгиваниями, голос, повествующий, как он придумывал название газете и ставил её на ноги...

Горсточка крохоток

ВСТАТЬ НА ЗОРЬКЕ...

Встать на зорьке, когда туман сползает с гребня гольца и сгущается над долиной Базаихи в лёгкую ленту молочного цвета.

Перейти по гулкому деревянному мостику через ближний ручей, лопочущий со сна, булькающий на округлых гольшах. Услышать мокрое чирканье травы по сапогам и увидеть их носки, блестящие так матово и тепло, что захочется потрогать их пальцем.

Войти в лес, который молчит, но жизнь в котором все не прекратилась. Разуться на мокрой траве и ощутить прохладное её ласкание. Продлить эту радость и брести по лесу к берегу речушки, то и дело ощущая подошвами ног то хвою, то веточки, то стебли травинок.

Шагнуть в воду прохлады синих звёзд и перебрести дальний ручей, чтобы на другом берегу почувствовать, как в оледеневших ногах вдруг разольётся спасительная теплота.

Долго взбираться по крутому склону, цепляясь за реденькие кусточки и благодаря каждый за поддержку.

На гребне горы найти укромную ложбину и сесть на ствол упавшего дерева, оказавшегося здесь неведомо как. Увидеть как на ладони долину речки и застывшую на противоположном склоне тайгу. Замереть вместе с ней, вдохнуть воздуха свежести ключевой воды. Подставить лицо раннему солнцу и понять, что сегодня ты заново родился.

Коргон Сынжул под Красноярском

МЕЧТА

Он прожил в Чарджоу больше двадцати лет, а до этого сорок — в том сибирском селе, где родились мы с ним. Чарджоу, если его сравнивать с другими среднеазиатскими городами, для жителя человека пригож. Летом здесь, при всей жаре, хорошо: протекает Амударья, и канал есть — Дарья-Баши. Город утопает в виноградниках. На базаре — горы дынь, арбузов, изобилие фруктов.

Купались в канале. Вышли довольные, нисколько не пугаясь сорока с лишним градусов на солнце. Валяясь на песке, по винограднике обрывали огромные кисти с ягодами янтарного цвета. Они странным образом хранили прохладу. Хорошо!

А он вдруг и говорит: «Сейчас бы глоток воды из колодца. Из того, что в заулке. Перед школой. Помнишь, в Тасеево?»

Я, конечно, помнил. А потому вполне с ним согласился.

ШОКОЛАД В ШАМПАНСКОМ

Среди вечной бамовской зимы оказаться во Владивостоке, где в полдень по офицерской шапке стучит капель. Ходить по почти бесснежным улицам и удивляться такой разнообразной (после трассовых будней) одежке прохожих.

Глянуть в командировку и, увидев скорую дату отъезда, запрятать эту командировку, потерять её среди множества покупок, заполнивших портфель.

Встретить друга, с которым прожиты не самые печальные месяцы жизни в Москве. Обрадоваться ему, нашим воспоминаниям: ведь на БАМе начинало казаться, что всё прожитое, учёба и работа в столице — всё придумано от тоски.

Сидеть с ним в номере гостиницы с видом на Тихий океан, по кусочку бросать в наполняемые шампанским стаканы неровные кусочки шоколада. И вместе с ними то всплывать на поверхность воспоминаний, то погружаться на дно реального существования.

Снова возбуждать в мозгу то жадное нетерпение, с которым когда-то познавались города и веси, снова и снова перебирать, как чётки, их своеобразные красоты и открывавшиеся тайны.

Красноярск — шоколадинка на дне.

Свердловск — она, словно нехотя, кувыркаясь, стремится вверх.

И снова падает вниз — Красноярск.

Всплывает неторопливо и неодолимо — Москва. Университет. Работа.

Заметалась, запрыгала — Казахстан, Ставрополь, Домбай, Ростов, Танаис, Баку, Красноводск, Чарджоу, Ташкент, Киров, Томск, Пермь, Камчатка, Прага, Пльзень, Брно, Норильск, Гавана, Камагуэй, Норильск, Таллин, Москва, Кишинёв, Хабаровск, Чегдомын, Комсомольск, Ясный, Баджал, Берёзовый. И вот — Владивосток. И у шоколадинки нет больше сил всплыть.

Снова налить в стаканы шампанского — как заправить горючим готовый сорваться с места гоночный автомобиль. Заметались, запрыгали шоколадинки в наших стаканах, обещая многие и многие будущие дороги...

Сидеть перед синим вечерним окном. Сидеть с другом. Что-то вспоминать, что-то предполагать.

И видеть — нас в комнате много: мы с ним и живые кусочки шоколада в пузырящихся шампанским гранёных стаканах — как в магических кристаллах, в которых отразилась наша прошлая жизнь и напрогнозировалась жизнь будущая.

ЗЕМЛЯНИКА С МОЛОКОМ

Когда дотаивает последний снег, и на обращённой к солнцу стороне улицы его уже нет, и тротуары слегка дымятся, я зажмуриваю глаза и подставляю лицо солнечным лучам. Почему-то в такую пору во мне возникает та давняя мелодия, которая прозвучала в далёком детстве в нашем

сибирском селе Тасеево. И я всегда слышу её почему-то вот в такой весенний день...

С Юркой Маковецким мы играли на мягкой, уже обильной траве в «чижика». Мимо прошла наша соседка, бабка Пелагея, с синим ковшиком в руке. А в нём — розовой горкой — земляника! Бабка Пелагея ещё не дошла до своей калитки, как мы переглянулись и, не стовариваясь, уже мчались в лес, прихватив берёзовый туесок с нашего крыльца.

Удрать в лес было делом простым. Сначала добежали до переулка, пересекавшего нашу Октябрьскую улицу, и помчались не к речке, а в горку, в сторону высоких елей.

Деревенский переулок незаметно становился тропкой, по которой босичком бежать было приятней, чем по высохшим комкам земли и ямкам в переулке, что оставляли коровы своими копытами после дождей.

И прямо с дорожки нам в глаза бросились бело-красные и алые ягоды. Земляника! Сначала полакомились — съедали всё, что нам попадалось. Потом стали собирать в туесок. Сперва ягоды стучались о дно, катались там, но потом мы набрали столько, что даже устали. И пошли обратно, по очереди бережно прижимая туесок к рубашкам, под которыми колотились наши сердечки.

Пришли к нам домой. Дом был прохладен, пуст и чист. В сенцах, я знал, мама оставила крынку с молоком Зорьки, чтобы днём я перекусил. На столе, прикрытый полотенцем, лежал мамой выпеченный хлеб.

Сначала насыпали в кружки тёплых ягод и налили прохладного молока. Потом Юрка кое-как — всё боялся порезаться — отрезал от буханки две краюшки. Мне досталась с запечённым угольком, но на Юрку я не рассердился. Было так вкусно!

Три запаха — хлеба, молока и земляники — во мне и сейчас вызывают странную, звучащую внутри музыку. Никем и никогда не сочинённую, но такую реальную, ощутимую и щемящую. Она и сегодня у меня в памяти.

УГОСТИЛИ КВАСОМ

Сначала в Душаке, а потом и на других станциях на пути неторопкого поезда от Каспия до Ташкента (чтобы попасть на пассажирский до Новосибирска, а там добраться

до родного Красноярска) получил истинное удовольствие. Под палящим солнцем выпил холодного русского квасу!

Мы соскочили на перрон, совсем измочаленные жарой в вагонах. Я провёл тыльной стороной ладони по лбу и почувствовал: будто песок на коже. Уже не удивился кристаллам соли, потому что знал: влага тут испаряется мгновенно.

На этих разнопёстрых полустанках быстро мы устали от предлагаемых дынь, винограду, помидоров, арбузов, как устали от напряжения в ожиданиях заразы: какие руки их касались?

А тут — сморщенные от здешней жары старичок в линялой уж много лет косоворотке, но чистенькой, и такая же его старушка, мило повязанная косынкой недавнего приобретения, продавали всем желающим, проезжающим по Турксибу, этот древний, как немилосердное солнце, русский напиток из обтянутых мокрой тряпкой стеклянных четвертей, непонятно как попавших в наши дни. Вода из тряпок испарялась так быстро, что напиток был — не поверите — прохладным!

Три стакана были в ходу — старушка едва успевала споласкивать их в ведре чистой холодной воды, а старичок всё булькал и булькал в них квас из четвертей. Какие-то копейки он аккуратно клал у бутылей, стоявших на чистеньком полотенце, похоже, больше удовольствия получая от благодарностей соотечественников.

Холодный напиток, да ещё от чистеньких хозяев, — теперь дорога в Ташкент уже не казалась неодолимой, а потом до Новосибирска. Там сутки по Транссибу — и в городе на Енисее точно такой напиток меня ждал дома, в Сибири, тоже жаркой в эти месяцы.

Квас маминого приготовления.

Турксиб, по пути из Ставрополя в Красноярск

ТОСКА ПО СНЕГУ

Русскому человеку, выросшему в родных местах, не надо объяснять прелесть снега, открываемую с юных лет и впитываемую на всю жизнь. А каково в наши дни открывать очарование снегом тем нынешним русским, которые... Впрочем, я о другом.

Лет эдак ...дцать назад в раскалённом от зноя Красноводске в августовскую жару я видел, как наши мальчишки

на гладких, до блеска отполированных досточках съезжали по покато́й асфальтовой дорожке во дворе школы, стоявшей на скалистом склоне. Двое-трое их туркменских сверстников, пугаясь, тоже пробовали проделать такое же, но ни радости, ни азарта, как у моих сородичей, в их глазёнках я не увидел. А у наших был полный восторг.

Одного я спросил: «А на санках с горки снежной катались?»

Он изучающе глянул на меня: откуда, дескать, знаешь? — и гордо ответил: «Нет, но мне старший брат рассказывал, как это здорово! На зимние каникулы тоже покатаюсь — поеду с мамой к тётке в Россию».

Ну вот и наступили времена вернуться моим землякам из тех мест в родные пределы. И вновь почувствовать, как это дорого сердцу русскому — жить без тоски по снегу.

Снег-то их ждёт, а родные места?

С ГОЛУБОГО НЕБА

Снег лежит не первый месяц. Но он не удручает. Голубое небо, зимнее солнце над белыми просторами, вонзённые в далёкую синь ели — они словно поддерживают свод, — всё излучает ликование и торжество.

Тени длинны даже в полдень — солнце едва успевает подняться над окрестными сопками.

И в такой денёк с голубого неба сыплется снег. Его хорошо видно на солнце, он посыпает протоптанные дорожки и серебрит одежду прохожих.

Не устаешь смотреть на это чудо. Оттуда, с голубого неба, летят искры радости. И кажется, им не будет конца.

пгт. Северо-Енисейский

ПЕСНЯ ОСЕНИ

Как ни сурова погода в Сибири, на сентябрь она всегда оставляет несколько прозрачных, особенно ясных дней. Юным и голубым видится небо в такое время, а глянешь на деревья — непременно печаль заполнит душу. Редкие листья, жёлтые и жёсткие, вовсе не скрывают наготы деревьев, бередят воспоминания.

Под ногами — горы желтизны. Идёшь по лесу — и готов бесконечно слушать эту прощальную песню осени: «Шш-шш, шш-шш, шш-шш». В голове ясно и свежо, временами кажется, что близится весна. Однако нет...

Кто-то невидимый опутывает сетью серебряных паутинок солнце, и оно, ласковое и тёплое, совсем устаёт за день и к вечеру едва движется за горизонт.

А ночью сеть заброшена в звёздное небо. Вызревшие за лето звёзды попадают в неё, и плывёт она по небу, полная и трепещущая. Забываешь, что это Млечный Путь. Вглядываешься в небо, и не верится, что это немыслимое количество звёзд учтено.

Звёзд много, и они льют на землю голубой свет, холодный и неласковый. Вода в ручье не от него ли? Она ещё не замёрзла, и когда умываешься по утрам, белый пар проползает над водой и долго не тает.

Студёная вода, синий иней, редкие заморозки предвещают не скорую ещё зиму. Она неблизко, и много ещё увидишь грязи, потом кашицы из грязи и снега. Потом по утрам будут мёрзлые комки земли, словно посыпанные солью. И вот дохнёт холодно и надолго неласковая зима.

Снова и снова будешь отыскивать в облачном небе хоть лучик солнца. И долго не находить.

Почти до самой весны.

Сухово Красноярского края

ГОСТИНЕЦ

В раннем моём детстве любое, даже недолгое, расставание с родителями завершалось непременно гостинцем. Нечаянный подарок для детей всегда радостен и желанен. Оглядываясь назад и пытаюсь понять, как удавалось маме и папе в скудной послевоенной жизни в сибирской деревне выполнять этот святой долг перед тремя детьми, я вдруг открываю, что такое непременно происходило не только у нас в Сибири. Это просто русский обычай.

Встреча с родимой кровиночкой — то ли после дальнего похода на битву в давние годы, то ли по возвращении с покоса или с другого какого дела — обязательно венчалась не только поцелуем и взаимным искренним восторгом, а и чем-нибудь сладеньким и вкусеньким.

Вот мама идёт с соседкой на речку полоскать бельё, уговаривая меня присмотреть за ползающим по половикам младшим братом. Наверное, я бы и так согласился. Но для пущей убедительности своей просьбы — привычные мамины слова: «А я гостинец принесу». И ждёшь, и надеешься. И исправно смотришь, не забрался бы младший в неподходящее место, не расплакался бы ни с того ни с сего.

Шайку с бельём мама оставляет на крыльце, а в избе появляется непременно с веточкой, на которой несколько ягод клубники. А то просто горсть земляники, слаще и ароматнее которой мне с того времени и попробовать не удавалось.

А вот мама идёт подоить нашу Зорьку. Обязательно приговаривает что-нибудь о гостинце, если я буду хорошо домовничать. И всякий раз — по-новому.

Помню и гостинцы из города — то кусок пилёного сахара, то от крёстной своей к Пасхе здоровенное зелёное яичко из стекла, то из сельмага конфетку-подушечку, да ещё с разноцветными полосками...

И как только сегодня голову не наломаешь, когда возвращаешься из дальней поездки или бредёшь со службы и всё стараешься сообразить, какой же гостинец принести тем, кто тебя ждёт. Пестрота на лотках и в киосках несусветная, а гостинца не сыщешь. Такого, который бы сравнился с тем, что поражал и восхищал тебя в детстве.

Продолжается это не один год. Всё придумываешь и ищешь гостинец. Сначала сыну. Потом вот дочке. А сейчас — и внукам.

БЛИЖЕ К ТРАВЕ

Всякое садовое товарищество — целый сонм малых форм архитектуры. За сетчатыми заборами (у кого как: порой и изгородью, где-то — заплотами, а то и неким подобием кремлёвских стен из кирпича или металлическими профильными листами) всё наружу — и достаток хозяина, и его национальные корни, и вкусы привередливой жены, и пожелания детей, и подражание тому, что где-то видел, и взбрыкивание своей души, которая на свободу вырвалась: а хочи вот эдак!

Вот и спорят меж собой вычурные мусульманские башенки со шпильями неведомо как забредшей в центр России готики; прочно стоят на родной земле срубы и лезут вверх

несуразные сооружения, спроектированные самопальными архитекторами — тайными последователями фаллистического течения в искусстве.

В одном схожи почти все: строения стараются сделать с непременно вторым этажом (мансардой!) и верандой — на первом (вечерком посидеть за рюмкой чая).

И только одно строение в нашем товариществе одноэтажное. Щитовой домик с некрутой крышей был бы, конечно, мал для проживания семьи, если бы не прижался к своему двойнику. Словно в обнимку, стоят два одинаковых домика, сомкнувшихся не вровень друг с другом, а чуть со сдвигом. Особенно прочно и уютно они смотрятся в зимнее время на фоне сплошного белого покрывала.

Неподалёку — несуразное сооружение «об четыре этажа» с бассейном на втором и разнокалиберными антеннами над новомодной крышей. Наличие хозяина в доме распознаётся просто: если у кирпичного забора (та самая «кремлёвская» стена) торчат две иномарки, набитые людьми, видимо, часто снимающимися в новых фильмах о русской коза-ностре.

Иногда на маленьком балкончике (с маленьким же козырьком) появляется фигура. Снизу она выглядит несимпатично: толстые ноги, такие же руки и маленькая головка, крепко привинченная к покатым плечам. Головка смотрит на далёкий лес за запущенным полем. Фигурке, наверно, нравится ощущение высоты — пожалуй, едва ли не единственной, которая ей в этой жизни доступна.

А в одноэтажном домике живёт вчерашний лётчик. Он на пилотской пенсии, ещё молод и уже грустен. Жена у него выглядит вдвое моложе его, и участок у них удивительно уютен и ухожен.

Как-то мы стояли с ним в ожидании пригородного автобуса, и я удивился, почему он не поставил дом с мансардой.

— А мне высоты за мою жизнь — во! — ответил мне он и провёл ладонью над седой головой, словно смахивая нимб. — И два приземления таких было, что мне сейчас поближе бы к траве. А из мансарды... из мансарды траву не разглядишь, — сказал он.

Тут подошёл автобус, и мы не договорили.